

Гуань Суй вышла из главного двора, за ней следовали восторженный Минфан и безвольная падчерица. Из-за яркого солнца и повышения температуры воздуха во дворе один за другим распустилось множество ярко-желтых весенних цветов. Группа любовалась ими, пока шла обратно к главному дому.

Раскрыв бухгалтерскую книгу, Гуань Суй указала на входящие и исходящие статьи и попросила Чжао Чуньси помочь разобраться со счетами, а сама взяла книгу и стала листать ее по своему усмотрению. Подумав, что ей неловко, но не осмеливаясь показать это на лице, Чжао Чуньси пощипала бусины абакуса и издала хаотичный звук, который звучал очень раздражающе.

Минглан надулась от отвращения, втайне в душе злословя эту двуличную старшую мисс.

После терпения и мучений Чжао Чуньси наконец не сдержалась и с большим трудом спросила спокойным голосом: "Мама, ты хочешь взять наложницу для моего папы, почему ты не спросила его мнения?".

"Тогда твоя бабушка впихнула Е Фана, разве она спрашивала моего мнения? Твой папа пошел прямо к старой госпоже, разве он спрашивал моего мнения?" Гуань Суй даже не потрудились поднять веки, спросила протяжным голосом.

Чжао Чуньси нечего было ответить, она чувствовала себя подавленной некоторое время, прежде чем сказать: "Даже если ты хочешь взять наложницу для него, разве ты не можешь подождать некоторое время? Ты должна выбрать ее в тот день, когда моя тетя будет выходить за порог? Как неудобно будет моей тете?".

"Не навязывай другим то, чего не желаешь сама. Твоя семья Е хочет поселить Е Фана, но ты не можешь выбрать другое время, ты должна забрать его вскоре после моей свадьбы с господином маркизом? Ты когда-нибудь думала, как мне будет неудобно?" Гуань Суй закрыла книгу, ее голос медленно становился холодным: "Я теперь хозяйка особняка маркиза, а Лю Ши заставил господина маркиза взять наложницу, что означает публично набить мне морду. Мудрец сказал: если отплатить за обиду добром, зачем оплачивать добром? Правильно отвечать на обиду обидой, а на доброту - добротой. Если другие искренни со мной, я, естественно, отвечу им искренностью. Если другие хотят затеять против меня заговор, то, простите, я позволю им выбить зубы и проглотить кровь".

Когда было произнесено последнее предложение, Чжао Чуньси все время чувствовала, что мачеха смотрит на нее острыми глазами, как будто уже поняла ее осторожные мысли, и даже мамин план был ясен. Но как такое возможно? Несмотря на эту мысль, она не могла перестать паниковать в своем сердце, потому что она действительно сбила зубы и наглоталась крови, как сказала другая.

Гуань Суй сжала костяшки пальцев и, постучав ими по столу, сказала Минфану: "Сейчас же отправляйся в правительственный офис с домоправителем Чжао, он поможет тебе избавиться от статуса раба и стать хорошим гражданином. Зачем мне поднимать тебя до этого момента, ты

ведь и сам все прекрасно понимаешь. В будущем ты будешь хорошо служить господину маркизу и не подведешь меня. Если я смогу поддержать тебя, то, естественно, смогу и удержать".

"Великая доброта и великая добродетель госпожи, этого слуги никогда не забудут. Если в будущем вы отправите сообщение, этот слуга обязательно прыгнет в обжигающую воду и окунется в бушующий огонь ради вас". Минфан знала, что мисс подняла ее, чтобы подавить Е Фан, поэтому она быстро встала на колени и выразила свою преданность.

Увидев жест этого человека, указывающего на небо и притягивающего землю, Гуань Суй внутренне рассмеялась. В прошлой жизни она тоже видела мысли Минфан, но боялась, что дружба между хозяйкой и служанкой будет нарушена, поэтому Е Фань использовала условие поднять ее как наложницу, чтобы привлечь людей на свою сторону. Поэтому Гуань Суй терпела поражения и в открытую, и в темноте, и в конце концов чуть не утонула в пруду. Теперь же она просто взяла инициативу в свои руки, чтобы поднять Минфан. Обе были знатными наложницами, и они вошли в дверь в один и тот же день. Чтобы побороться за благосклонность Чжао Лули, эти двое попытались бы убить друг друга.

Собака кусает человека - это трагедия, человек кусает собаку - это фарс, а собака кусает собаку - это хорошее шоу. Гуань Суй просто сидела в главном зале, ожидая увидеть это хорошее шоу. Отослав благодарную Минфан, она взглянула на крайне уродливое лицо Чжао Чуньси и медленно сказала: "У госпожи есть тысячи способов подавить наложницу, и самый худший - сделать это самой. Е Фань сейчас твоя тетя, и неважно, насколько ты с ней близка, но после вступления в особняк маркиза она станет наложницей твоего отца, поэтому тебе лучше поменьше с ней общаться, чтобы не получить репутацию "воспитанницы маленькой женщины"".

Маленькая женщина была низшей наложницей, а быть воспитанной низшей наложницей в то время было очень унижительно и позорно. Последнее предложение Гуань Суй было злобным и заставило Чжао Чуньси почти упасть в обморок. В этот момент вошел Чжао Лули и яростно сказал: "Когда меня не было, ты так унизила Сиэр? Моя свекровь правильно сказала: как бы хорошо ты ни выглядела внешне, ты никогда не будешь по-настоящему считаться с Сиэр. Я слишком доверчив! Гуань Суй, будь готова, через месяц я пропущу Е Фан через дверь, и ты должна будешь согласиться, даже если не согласна. Я очень боюсь, что Си'эр и Ваньшу пострадают от тебя, если она не будет присматривать за ними во дворе". Если бы он не слышал и не видел это своими глазами, он бы не знал, как будет плакать его дочь, когда вернется.

Вначале он заперся в кабинете и дулся, но через полчаса понял, что все равно должен дать объяснения своей новой жене, поэтому вернулся в главный дом и планировал все обсудить и убедить хорошим голосом, но он не ожидал услышать эти слова, и его гнев сразу же воспламенился.

Чжао Чуньси была вне себя от счастья, из ее глаз полились слезы, она бросилась в объятия отца и зарыдала. Хотя она ничего не говорила, вид того, как она молча все переносит, был достаточно душераздирающим.

Видя, что Чжао Лули в ярости и вот-вот выйдет из себя, Гуань Суй спокойно сказала: "У меня прямой характер, если есть что сказать, то я скажу. Я уже давно сказала тебе об этом. Если ты считаешь, что я не права, хорошо, подожди, пока Е Фань выйдет за дверь, а Сиэр и Ваньшу перейдут к ней на воспитание, я умою руки и не буду заботиться обо всем. Ты доволен?"

Чжао Лули был глуп, Чжао Чуньси была глупа, отец и дочь в ужасе смотрели друг на друга, трудно слезть, сидя верхом на тигре. Неважно, насколько близка Е Фань по крови и родству, она все равно останется наложницей, когда переступит порог дома. Где могли быть сын и дочь, которых не растили при госпоже, а отправили в комнату наложницы? Если новости распространятся, не говоря уже о том, что Чжао Чуньси в будущем выйдет замуж в хорошую семью, а Чжао Ваньшу поступит на императорский экзамен, даже если эти двое выйдут за дверь, они будут чувствовать себя неловко.

Последствия слишком близкого общения с Е Фань были такими, как и сказала Гуань Суй - воспитание маленькой женщины. Она действительно говорила прямолинейно, ее было неудобно слушать, но она никогда не упустила ни полпункта.

Гнев Чжао Лули мгновенно угас, и он втайне винил себя за то, что вылил весь гнев, полученный от матери, на голову жены. Он хотел извиниться, но не знал, как открыть рот, его лицо покраснелось, он, заикаясь, пытался говорить.

Е Фань была всего лишь дочерью ветви Шу, которая жила за счет чужой благотворительности, как ее основа могла сравниться с Гуань Суй? Если Гуань Суй действительно разозлится и бросит младшего брата на воспитание Е Фань, как она будет жить дальше? У нее не было крови аристократической семьи, а ее отец был отвергнут императором. Не умрут ли тогда от смеха эти подружки с платками? Чем больше Чжао Чуньси думала об этом, тем тревожнее ей становилось.

Во рту была горечь, колени слабели, она дрожала и пыталась встать на колени перед мачехой, но ее поддерживало сильное чувство собственного достоинства, и она отказывалась легко признать поражение.

Гуань Суй не обращала внимания на извинения отца и дочери Чжао, и сказала низким голосом: "Я искренне рассматривала особняк маркиза, но вы никогда не считали меня своей семьей, иначе вы бы не взяли наложницу меньше, чем через полмесяца после моей собственной свадьбы, и забыли сообщить мне. Неважно, я буду просто бездельничать. И еще один момент, в день, когда Е Фань переступит порог дома в следующем месяце, Минфан также должна последовать за ней, а господин маркиз должен согласиться, даже если он не согласен, иначе я пойду домой и позволю моим родителям поговорить с вами. Оглянувшись вокруг Яньцзина, можно сказать, что только купцы низкого происхождения, не понимающие этикета, берут наложниц одновременно с женитьбой на невесте. Если твоя семья Чжао должна последовать этому примеру, я не буду этому препятствовать, ты можешь делать все, что тебе нравится, кого это волнует."

"Госпожа, я..." Только тогда Чжао Лули понял, что взять наложницу было не только его делом,

но и делом семьи. Если бы Гуань Суй не забеременела через три-пять лет, никто бы не помешал ему взять наложницу, но теперь он поспешил привести наложницу из семьи Е уже через полмесяца после свадьбы. Неудивительно, что Гуань Суй была так зла.

Он очень сожалел об этом и уже собирался объяснить все как следует, но увидел, что другой человек говорит равнодушно: "Раз ты не относишься ко мне как к семье, я не буду спешить, прилагая изнурительные безрезультатные усилия. Такова моя натура, я буду отплачивать за доброту добротой, за обиду - обидой, а за искренность - искренностью. В будущем тебе не нужно спрашивать меня, хочешь ли ты что-нибудь сделать, кроме центральной кормушки меня ничего не волнует. А теперь, пожалуйста, выходи!"

Минглан сразу же шагнула вперед, чтобы выгнать людей, и мельком взглянула на пуховую пыльцу в вазе с цветами, она ненавидела, что не может хлестнуть ею отца и дочь.

Чжао Лули почувствовал беспокойство, но не знал, как сгладить ситуацию, поэтому ему пришлось отступить в смущении, подойдя к двери, он глубоко поклонился и сказал с раскаянием: "Госпожа, пожалуйста, успокойтесь, не отделяйтесь от меня. Я согласен с вопросом Минфана. В этой семье последнее слово всегда будет за вами, и никто не сможет поколебать ваше положение. В этот раз я все равно виноват, и я никогда больше так не поступлю. Прежде чем сердиться, я дам себе возможность спокойно все обдумать, а потом обсужу это с тобой как следует, что скажешь?"

Чжао Чуньси сказала со слезами на глазах: "Мама, я тоже знаю, что не права, пожалуйста, не оставляй меня одну. Я потеряла маму еще в детстве, и только моя тетя наблюдала за моим взрослением, поэтому я сблизилась с ней и забыла о твоих чувствах. Я буду послушно слушаться тебя..."

Гуань Суй холодно махнула рукой: "Не нужно больше ничего говорить, просто уходи".

Минглан поторопила людей: "Лорд маркиз, старшая мисс, вы возвращайтесь первыми, мисс сейчас грустит, вы позволили ей зализывать раны в одиночестве. Ее слова действительно неприятны, но вы должны тщательно обдумать их наедине, когда все сказано и сделано, разве это не правда?" Пока она говорила, она вытолкала людей и закрыла дверь во двор.

"Наконец-то тихо". Гуань Суй постукивала костяшками пальцев по столешнице и бормотала про себя: "Тот, кто должен прийти, приходит, тот, кто должен уйти, уходит, хорошее представление тоже должно начинаться с вступительного гонга".

"Госпожа, Минфан должна прийти, но куда девать дочь Шу из семьи Е? Если бы не она, не было бы сейчас такой беды". Минглан в гневе закатила глаза.

"Когда она придет, в этом доме будет оживленно". Гуань Суй очень легко улыбнулась.

"Что значит оживленно, здесь должно быть много бабочек. Госпожа, вы действительно планируете позволить ей воспитывать старшую госпожу и старшего молодого господина? Это здорово, этим двум людям действительно трудно служить, старший молодой господин любит бить и ругать людей, старшая мисс выглядит очень доброй, но иногда показывает особенно злобный взгляд, который действительно пугает." Минглан похлопала себя по груди с таким видом, будто не могла этого избежать.

Гуань Суй покачала головой: "Я бы с радостью, но Чжао Лули никогда не согласится, вот увидишь". Изначально она планировала собрать этих людей вместе и дать им поиграть самим, но сейчас было неподходящее время. Она ждала, ждала, когда семья Чжао продолжит метания, и тогда она будет "удручена и печально уйдет". В это время посмотрим, сможет ли особняк маркиза играть на цитре, цине, дудке, радоваться и смеяться, и сможет ли он заставить распусться цветок в и без того "чрезвычайно счастливой" жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2399681>